

Мэй Цзибай выглядел бесстрастным, и эта отстранённость была почти осязаемой. В его миндалевидных глазах, обычно полных властного спокойствия, перед которым другие невольно трепетали, сейчас мерцал мягкий, едва уловимый свет, а тёплые лучи лампы придавали его облику несвойственную ему мягкость.

Разглядев того, кто вошёл, он протянул руку:

— Подойди.

Голос Мэй Цзибая, низкий и чуть хриплый, прозвучал так мягко, что Гу Цин, повинувшись скорее инстинкту, чем разуму, присел на край кровати. Он осторожно перехватил чужую ладонь и, растерянно усмехнувшись, тут же посерьёзnel:

— Я не ожидал, что ты решишь выпить. Как ты себя чувствуешь? Сильно тошнит? Может, воды?

— Всё в порядке, не нужно, — Мэй Цзибай говорил медленно, подбирая слова. Лишь спустя минуту он добавил: — Это Цзыцян тебе сообщил?

— Угу. Я останусь сегодня с тобой.

— Не беспокойся, со мной всё хорошо.

Гу Цин не выдержал и возразил:

— Если бы всё было хорошо, ты бы не пил. Ты же к алкоголю и табаку обычно не прикасаешься, а сегодня набрался до беспамятства. И после этого говоришь, что всё нормально? Кого ты пытаешься обмануть?

Мэй Цзибай негромко рассмеялся. Он высвободил руку и коснулся щеки Гу Цина, чуть прищурившись, словно пытался разглядеть в нём что-то важное.

— Эмоциям всегда нужен выход. Прошло уже два года, но я так и не смог забыть тот день. Гу Цин, я всегда... всегда верил, что у нас с ним будет будущее. Но жизнь никогда не считалась с нашими желаниями.

Гу Цин опустил взгляд, неосознанно прижимаясь лицом к его ладони. Рука Мэй Цзибая была тёплой и надёжной; казалось, только сейчас холодный ночной ветер, сопровождавший его всю дорогу, окончательно отступил.

Раз уж тот сам заговорил о событиях двухлетней давности, Гу Цин, помедлив, решился спросить:

— Желания... О чём ты? Это как-то связано с Юй Цзиньнянем?

— Именно.

— Если... если ты хочешь выговориться, я буду... внимательным слушателем.

Мэй Цзибай убрал руку и сел, опираясь на изголовье кровати.

— Хочешь послушать?

Гу Цин помог ему устроиться поудобнее и кивнул:

— Конечно.

Мэй Цзибай всё ещё был в деловом костюме, но выглядел непривычно: галстук ослаблен, две верхние пуговицы рубашки расстёгнуты. Гу Цин заворожённо следил за его тонкими пальцами, невольно задышав чаще.

Ему нестерпимо захотелось поцеловать его.

Даже если сейчас это было совершенно неуместно.

К счастью, Мэй Цзибай заговорил, прерывая этот порыв. Гу Цин опомнился и чуть отодвинулся, возвращаясь в прежнее положение.

— Говори, я слушаю.

Взгляд Мэй Цзибая потускнел, и он начал:

— Мы с Цзиньнянем были помолвлены ещё детьми. Маленьким он был просто очарователен: молчаливый, пухлый, похожий на розовый пельмешек. Он обожал хвостиком ходить за мной и звать: «Брат, братик». Уже тогда я думал о том, как мне нравится этот его взгляд, в котором нет никого, кроме меня. Я мечтал, что мы поженимся, и тогда он никогда не посмотрит так на другого. Мы могли бы прожить вместе всю жизнь.

— Потом у семьи Юй начались неприятности. Он уехал вместе с матерью, и мы встретились лишь спустя много лет. От того послушного ребёнка не осталось и следа — казалось, его и вовсе никогда не существовало. Передо мной стоял человек, весь покрытый колючками. У него были такие же ясные глаза, как у тебя, но он почти не улыбался. Он напоминал дикого кота — вечно настороженного, напряжённого, готового к нападению.

Мэй Цзибай замолчал. Его взгляд был устремлён в пустоту, словно он заново проживал те моменты.

Слушая этот хриловатый, размеренный рассказ, Гу Цин невольно усмехнулся про себя.

Да, шипов у него тогда хватало. Учителя его недолюбливали за характер, друзей не было. После смерти матери он и вовсе остался один — без близких, без поддержки. Он жил только ради мести. Ему было плевать, нравится он кому-то или нет; он был готов провести остаток дней в полном одиночестве, лишь бы добиться своего.

Он давно примирился с этой участью.

Голос Мэй Цзибая стал ещё мягче:

— Но на самом деле он не хотел отталкивать людей. Он просто не знал, как можно кому-то доверять. Он был розой. Все видели только шипы и считали его нелюдимым, но мне посчастливилось разглядеть ту розу, что он прятал внутри — одинокую и прекрасную.

Он перевёл взгляд на Гу Цина.

— В нём была удивительная черта — яркая, живая искра. Даже оказавшись в самой глубокой грязи, он не позволил своей розе завянуть.

Гу Цин замер, лишившись дара речи.

О чём говорит этот человек? Неужели о нём?

В его жизни, после гибели отца, разорения семьи и бегства, была лишь одна дорога — напрямик в бездну. И он летел туда, не оглядываясь. Ни о каком «свете» и речи быть не могло.

Так о чём же толкует Мэй Цзибай?

Тот снова коснулся рукой груди Гу Цина. В его взгляде смешались восхищение и глубокая печаль.

— Здесь у него всегда был свет. И тепло. Поэтому его глаза никогда не гасли.

Гу Цин чувствовал, как сердце предательски колотится о рёбра. В горле встал комок, а он почувствовал жжение в веках от подступающих слёз.

Он чуть закинул голову, пытаясь сдержаться, но голос всё равно дрогнул:

— Ты... ты действительно видел его.

Мэй Цзибай едва заметно улыбнулся:

— Да. Я видел его настоящего.

Гу Цину потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя после того, как Мэй Цзибай убрал руку. Быть «увиденным» оказалось невероятным счастьем. Он и не подозревал, что этот человек невольно подарил ему нечто столь бесценное.

— А что было потом? — спросил он.

— Потом... Я понимал, что он намеренно злит меня. Одно время я даже думал дать ему свободу, но он сам вернулся. Мой интерес и симпатия капля за каплей переросли в океан. Когда я осознал это, было уже поздно — я увяз в нём по уши. Вся его покорность, вся его «любовь» были лишь игрой, спектаклем, чтобы использовать меня в своих целях. Но разве это имело значение?

Гу Цин с горечью бросил:

— Помощь? Скажи прямо — это было наглое использование.

Мэй Цзибай посмотрел ему прямо в глаза, не пытаясь спорить:

— Даже если так, я позволял ему это добровольно. В этом мире есть лишь один человек, ради которого я готов терпеть подобное. И другого не будет.

Гу Цин в четвёртый раз за вечер впал в ступор. Он не знал, как реагировать.

Тан Цзыцянь и Чэн Дунъюэ выложили всё как на ладони. Отрицать очевидное было бы верхом глупости, а продолжать обманывать себя перед лицом такой правды он уже не мог. Но осознание этой любви принесло лишь новую волну вины.

Если бы между ними не было чувств, он мог бы убеждать себя, что это просто сделка: никто никому ничего не должен. Но теперь эта ложь рассыпалась в прах.

Молчание затянулось. Мэй Цзибай подождал немного и продолжил:

— Только после его ухода я понял, что именно потерял. Я верил... верил, что у нас ещё будет время. Что я дождусь, когда он закончит свои дела, и тогда мы сможем поговорить о чувствах. Но я опоздал.

Смерть Юй Цзиньняня проложила между ними непреодолимую пропасть.

Гу Цин выдавил сухую усмешку:

— Твой перфекционизм порой раздражает, но ты выдающийся человек. Ты вполне можешь начать всё заново. За тобой целая очередь вьётся — тот же Ян Фань, например. Он тебе под стать. Нет нужды... вечно горевать о ком-то, кого больше нет. Нужно смотреть вперёд.

Мэй Цзибай тяжело вздохнул, и в его глазах отразилась нескрываемая горечь:

— Это невозможно. Я уже говорил: он единственный. Его нечем заменить. Я люблю его. Только его. И никого другого в моей жизни не будет.

Встретившись с ним взглядом, Гу Цин с трудом сохранял самообладание.

Видимо, из-за выпитого вина Мэй Цзибай сегодня был непривычно откровенен. Вся его искренняя любовь, всё это горькое раскаяние были здесь — только руку протяни.

Гу Цину было больно это слышать. В душе бушевал вихрь: радость мешалась с жадным желанием верить, а раскаяние — с щемящей нежностью.

Мэй Цзибай смотрел на него, но в то же время сквозь него, словно видел перед собой Юй Цзиньняня. Гу Цин непроизвольно сжал пальцы и слабо попытался улыбнуться. Только сегодня он смог окончательно признать: Мэй Цзибай действительно любил его. Глубоко и преданно.

Как он вообще смел в этом сомневаться?

А ведь он сам, будучи Юй Цзиньнянем, вряд ли остался равнодушным. Он просто не осознавал этого, заваленный глыбой мести. Но сейчас, в тишине ночи, те подавленные чувства тонкими нитями тянулись наружу. Оказалось, Мэй Цзибай не был ему безразличен.

Вовсе нет.

Гу Цин склонился и спрятал лицо в его ладони. Слезы, которые он так долго сдерживал, наконец прорвались наружу. Всё, что он так долго игнорировал и подавлял, выплеснулось в этот миг.

Он всегда был предвзят к Мэй Цзибаю. Точнее, ко всей семье Мэй.

Когда-то их семьи были очень близки, но потом всё изменилось. Мэй Цзибай уверенно вёл дела, превращая семейный бизнес в процветающую империю. А семья Юй... Она стала лишь

темой для досужих сплетен в светских кругах — пара вздохов, капля сочувствия, и ничего больше.

Когда Мэй Цзибай впервые появился перед ним — элегантный, статный, наделённый властью и безупречным вкусом, — Гу Цин почувствовал лишь отторжение.

С первого курса он брался за любую подработку, лишь бы помочь матери, пока Мэй Цзибай наслаждался изысканным послеобеденным чаем.

В отличие от холёного наследника, он рос, привыкая к косым взглядам и злым пересудам за спиной. Он с самого начала знал, что они из разных миров. И когда он начал замечать симпатию со стороны Мэй Цзибая, первым его порывом было бегство. Чем дольше они общались, тем сильнее в нём ныла обида за разорение Юй и смерть отца.

Если бы Мэй Цзибай не предложил помощь после всех его выходок, он бы никогда не подошёл к нему первым.

Но чтобы пробиться в высшее общество, у него не было иного пути.

Собственные чувства? Они были ему не нужны. Ему нужна была месть.

Тёплые слёзы, падавшие на ладонь Мэй Цзибая, быстро остывали. Мягкое выражение исчезло с его лица, сменившись задумчивой холодностью.

Он медленно погладил Гу Цина по голове, перебирая его волосы. Наконец, когда тот немного успокоился, Мэй Цзибай решил закончить разговор:

— Прости. Я наговорил лишнего.

Гу Цин выпрямился и, вытирая глаза, принуждённо улыбнулся:

— Не нужно... этих церемоний. То, что ты решил открыться мне, хотя бы доказывает, что я для тебя не просто случайный встречный. Всё в порядке.

На душе у него было скверно и тревожно. Он поспешно вскочил, стараясь сменить тему:

— Раз уж ты пришёл в себя, может, примешь ванну? Как ты собираешься спать в таком виде? Я пойду наберу воды. Ты редко пьёшь, так что горячая вода поможет расслабиться, чтобы завтра голова не раскалывалась.

— Благодарю.

Гу Цин лишь покачал головой и скрылся в ванной.

Проводив его взглядом, Мэй Цзибай сжал ладонь, которой только что касался Гу Цин. Он опустил глаза, и от его недавней мягкости не осталось и следа. В его глазах вспыхнула тёмная буря, всколыхнув обманчивое спокойствие.

Ещё немного. Скоро он...

Гу Цину было не по себе. Устроив Мэй Цзибая отдыхать, он буквально сбежал в соседнюю комнату. Однако успокоиться не получалось. Стоило ему вспомнить о Мэй Цзибае, как мысли путались, и он заливался краской.

«Да что со мной такое?! Ну почему я краснею от одного воспоминания о его взгляде?»

Он мучительно пытался понять, как теперь вести себя с Мэй Цзибаем. Тот оставался всё так же добр и заботлив, словно и не заметил его смятения, но Гу Цину было не по себе. Впрочем, вскоре ему стало не до душевных терзаний — Шэнь Боянь прислал результаты расследования.

Множество разрозненных фактов сходились в одной точке: Мэй Гуанлинь и У Цимин действительно работали вместе.

Вслед за этим пришли данные от его собственных информаторов. Оказалось, что после краха семьи Юй Мэй Гуанци выкупил часть активов Корпорации Юй за бесценок. И сейчас ими владеет не кто иной, как отец Мэй Цзибая.

Гу Цин смотрел на экран ноутбука, едва сдерживая желание разнести его вдребезги.

Скупка? Причём по дешёвке?

Если после этого кто-то посмеет сказать, что семья Мэй не причастна к краху Юй, он до конца жизни будет питаться одним только горьким шоколадом!

Мэй Цзибай стучал в дверь несколько раз, но, не дождавшись ответа, вошёл сам. Увидев яростное, почти звериное выражение лица Гу Цина, он спокойно поставил на стол тарелку с панкейками-суфле, политыми морской солью и карамельным джемом.

— Ну и кто же, — невозмутимо поинтересовался он, — посмел обидеть нашего Цинцина?

<http://bllate.org/book/17544/1712121>